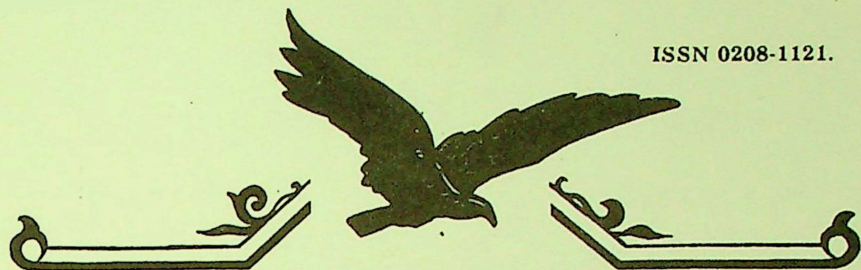

ISSN 0208-1121.

ТЕЕГИН ГЕРЛ

СВЕТ В СТЕПИ

ИЗДАЕТСЯ С 1928 г.

1/1992

ЕГО ЖИЗНЬЮ И ЛИРОЙ ПРАВИТ СУДЬБА

К 70-летию со дня рождения Д. Н. Кугультинова

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..

Вы, жадною толпой стоящие у трона...

М. Ю. Лермонтов.

Жизнь и судьба человека — это дар Природы. У гения русской поэзии А. С. Пушкина есть замечательные строки:

Не даром темною стязей
Я проходил пустыню мира
О нет, не даром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой.

"Жизнь", "Лири", "Судьба" — какие высокие понятия поставлены в один ряд!.. Жизнь великого поэта — избранника Судьбы — это всегда героическое состояние души. Героизм требуется для того, чтобы достичь такого образа жизни, в котором полно и гармонично воплотилась бы его самобытная духовная природа — прекрасная стихия его самых чистых этических и эстетических устремлений. Жизнь великого поэта — это всегда жизнь духоборца, духовного Учителя человечества. Утверждение такого образа жизни и идеала требует от человека не просто мужества, но и доблести. Доблесть, мужество, героизм необходимы для того, чтобы пробиваться к Истине.

Жизнь Давида Никитича Кугультинова — жизнь героическая. Героизм заключается в том, что, почувствовав в душе, каким опасным даром одарила его Природа, он прекрасно понял свой долг — в любых испытаниях жизни сохранить верность своему таланту.

Д. Кугультинов познал триумфы и трагедии, исполнившиеся и обманутые надежды, дружбу и амигошонство — словом, жизнь как она есть, без грима, во всех ее драматических проявлениях. Он достойно встретил и выдержал все испытания судьбы на чистоту совести, на верность Правде, которую он открывал для себя и для людей, на преданность гуманистическим идеалам, которые он искренне исповедовал, твердо отстаивал и защищал.

Жизнь! Сурово душу проверяя,
Как меня ни устрашала ты!
Обстреляла на переднем крае,
Опоила ядом клеветы...

Долго не сменяла гнев на милость,
Но, что человек я, убедилась...

(Перевод Ю. Пейман)

Эти искренние слова добыты поэтом ценою мук познания жизни "в глубинах мыслей и томлениях боли"

Д. Кугультинов в высшей степени воплощает в себе два качества: национальное и художественно-поэтическое сознание. Душевная жизнь поэта, его духовный облик, будучи полным и гармоническим выражением его осознанной самобытной индивидуальности, закладывают в себе элементы национальной психики, черты национального характера. Калмыки признают в образе жизни и в поэзии Д. Кугультинова нечто глубоко созвучное их душе. Действительно, душа народа отражается в людях, которых он порождает и почитает. Но жизнь и творчество Д. Кугультинова стали частью не только национальной, но и мировой культуры, парадигмой формирования вольнолюбивой, суверенной, свободомыслящей личности в тоталитарном обществе.

Явление жизни, как и художественное явление, по своей сути не может быть понято до тех пор, пока не станет не вызывающим сомнения свершившимся фактом. Более 50-ти лет плодотворной общественной и литературной деятельности Д. Кугультинова позволяют поставить вопрос о личности поэта и сущности его поэзии.

1940 год. Д. Кугультинову 18 лет. Признание ему приносит уже первый поэтический сборник "Стихи юности". Он самый молодой член Союза писателей СССР. Казалось бы, радости нет предела. Но началась вторая мировая война. Д. Кугультинов — офицер-политработник 252-й стрелковой Харьковской дивизии.

1943 год. Насильственная депортация калмыцкого народа.

1945 год. Арестован за стихи, в которых осуждал несправедливость, геноцид по отношению к родному народу.

Чудовищные преступления сталинского режима, в котором искажалась система общественных ценностей. Страна находилась в атмосфере всеобщего страха.

Искренность самовыражения, ясное сознание, здравый смысл, чувство личной ответственности, честность — обычные человеческие качества, входящие в условия бытия человека, оказались убийственно опасными в тоталитарном обществе.

Так сталинская тюрьма, "Архивлаг Гулаг", отнявшая у заключенного даже право на сочувствие и жалость, станет для Д. Кугультинова "университетом жизни", частью тяжелых и долгих годов учения.

Судьба Д. Кугультинова потрясла русского поэта М. Дудина, и он посвятил ему очень искреннее стихотворение "Давид Кугультинов в Норильске", оразившее этот тяжелый период жизни поэта:

Ты знаешь на ощупь, любезный друг,

Как здесь, по каким заслугам

Был бесприцельный Полярный круг

Очерчен Дантовым кругом.

Сегодня само Время высветило и подтвердило активность его жизненной позиции. Он сознательно поставил свой талант и общественный темперамент, свойства ума и потребности сердца на службу народу. Его отношение к жизни всегда взвешенное и серьезное, эмоции отличаются глубиной и силой, но в то же время сдержанны. Его находчивость и сообразительность, выдающаяся обстоятельность и редкое остроумие бросаются в глаза. Он многое замечает, но многое отключается, ничто не забывает.

Широта его интересов не знает границ, пылкий ум не знает покоя. Он восприимчив к новым впечатлениям и, благодаря этому, глубже и полнее ощущает, что именно он должен сделать для утверждения Истины. Он живет с такой интенсивностью, словно решил взять от жизни все, что она способна дать, после того, как дважды испытал удары судьбы, "обстрелявней на переднем крае" и "опознанный ядом клеветы". За все прожитые годы познавший полноту жизни так же хорошо, как и ее полдень, он, как никто другой, понимает муки человеческого духа и его победы. В образе поэта и в его поэзии современники черпают силы для преодоления своих житейских испытаний.

После долгих лет вынужденного молчания первый огромный успех принес Д. Кугультинову поэтический сборник "Стихи" (1965), выдвинутый на соискание Ленинской премии. В отзывах о сборнике стихов Д. Кугультинова повторялась одна важная мысль: удивительная духовно-творческая целостность, органическое единство творчества, личности, поведения, воплощенное в стихах.

На вопрос: в чем сильная сторона в творчестве Д. Кугультинова, критики отвечали единодушно — в усилении аналитического, философского начала в образном мышлении поэта. И действительно, глазами умудренного жизненным опытом человека, бывшего фронтовика, пережившего многое, и многое пропустившего через свое сердце, умеющего удивляться миру радостью и трезво, вглядывается он в жизнь Планасти. До появления Д. Кугультинова и его поэзии не было в традиции национальной культуры такого явления, чтобы жизнь поэта была в неразрывной связи с его поэзией, чтобы произведения поэта могли стать историей его души. Знаменитая формула "жизнь и поэзия — одно" выражает главную особенность деятельности Д. Кугультинова.

Д. Кугультинов рано почувствовал необходимость согласования между нравственным поведением личности и поведением творческим. Он предал этот немалый и, главное, последовательный труд самосовершенствования душевной жизни. В результате частная жизнь поэта переросла в жизнь преимущественно духовную, неотторжимую от жизни родного народа, страны, человечества. Так было с Пушкиным и Лермонтовым, с поэтами-декабристами, с Блоком и Анной Ахматовой, Ч. Айтматовым, Кайсыном Кулиевым и со многими другими. Жизненное поведение, пронизанное как норма и отражаемое в поэзии, как идеал, стало внутренней потребностью Д. Кугультинова. Поэтическая реализация своей личности осуществлялась на основе творческой связи души. Феномен его поэзии — неповторимый образный мир, отражающий одухотворенные моменты жизни. Образ автора в переносе с литературоведческого языка означает живой творческий контакт души с душой мироздания. Когда душа поэта ведет беседу со Вселенной и она откликается ей, тогда все разрозненные части видимого мира сливаются в одно гармоническое целое, в один ясно ощущаемый образ красоты самой мысли. Поэтическое искусство Д. Кугультинова насыщается смысловыми обобщениями.

Первая "хрущевская оттепель", определившая после царствования депрессии начало новой жизни калмыков на родной земле, возродила небывалый интерес молодой калмыцкой аудитории к истории, к философским, моральным, психологическим и эстетическим идеям. Молодое поколение требовало от поэзии не только критическую форму традиционного повествования, но и переосмысления. Соперничая с новым поколением, оно делало стремление вырваться из провинциальной замкнутости, ощущая не только национальное, но и мировое признание. Она ждала от поэзии

искренности и исповедальности, чтобы узнать нечто новое о мире и о себе в этом мире, о человеческом призвании и о судьбе нации. Оно жаждало откровений и пророчеств. Поэзия Д. Кугультинова смогла быстрее, чем другие виды и жанры искусства, развить в калмыцкой поэзии интеллектуальное направление. Творческие усилия Д. Кугультинова положили начало перехода национального художественно-эстетического мышления от описательности к концептуальности. Именно в концептуальном метафорическом видении мира находила выражение личная свобода поэта. Подчеркнуто-исповедальная поэзия Д. Кугультинова обращалась к извечным человеческим проблемам: память и время, встречи и разлуки, радость и грусть, природа и вечность. Это стихотворения, вошедшие в цикл "Жизнь и размышления": "Завтра — как похоже на улыбку...", "Когда я замечаю с чувством боли...", "Из сегодняшнего дня в миновавшее...", "О время щедрое!...", "Я верю: клетки сердца не умрут...", "Как на земле бессиаен человек...", "Друзья познаются в несчастье...", "Сквозь века" и многие другие.

Одна из самых важных особенностей жанровых форм медитативной лирики Д. Кугультинова состоит в том, что исповеди-размышления, исповеди-воспоминания, исповеди-состояния позволяют свободно излить свои чувства и мысли, вздохи и надежды, смутные предощущения и невидимые миру слезы, голоса подсознания и ностальгию. Душа поэта с ее небудничными запросами есть не меньшая реальность, чем, скажем, золотое руно.

Талант Д. Кугультинова заключается в способности проникать в глубь явлений, улавливать идеальное в обычном, преодолевать универсум и прорываться к духовному абсолюту. Не случайно, как синоним медитативной лирики Д. Кугультинова, критики называют его поэзию как "аналитическая лирика", "поэзия мысли", "интеллектуальная лирика", "философская поэзия" и т. д. Вслушайтесь в поэтические строки, например, стихотворения "Никто не помнит своего рожденья":

Никто не помнит
своего рожденья.
Никто не вспомнит
Свой последний час.
Два рубежа, две грани,
два мгновенья
Неведомы ни одному из нас.
И все пространство,
весь кипучий бег
Ночей и дней меж рубежами темн,
Все, что философ именует "время",
Что жизнью называет человек,—

Ничем не пресекается оно.
Оно в сознание нашем —
бесконечно.
И человеку смертному дано
Жить на земле, не зная смерти,
вечно.
Другому жизнь дарит он в свой
черед.
Другого, плача, одевает в саван...
Сам человек не умирает... Сам он
Только живет.

(Перевод Ю. Нейман)

Почему нам нравится это стихотворение Д. Кугультинова? Да потому что мысль, пульсирующая по лабиринтам мозга, нашла свою точную словесную форму выражения и оказалась обладающей высокой лирической температурой. Познание философской истины захватывает нас целиком, так как отражает наше родовое мироощущение, родовое понимание "идеи времени", очень близкое нашему внутреннему чувству, которое еще может переживать историю как вечность и вечный круговорот.

Лирика Д. Кугультинова учит любви к человеку, прославляет неиссякаемый творческий дух, вечное созидание. Вчитайтесь в стихотворение "Дайте, дайте первую удачу!..":

Дайте, дайте первую удачу!
Пусть в себя поверит человек!
Пусть в приливе радости горячей
Ощутит себя потомком всех,
Кто творил, кто сделал мир богаче...
Дайте, дайте первую удачу!..
(Перевод Ю. Нейман)

В этом стихотворении Д. Кугультинов изумительно выразил душевный порыв человека. Лирический герой дышит всем, что есть лучшее в человеке и человечестве, переживания облечены в гармонию и наполнены внутренней музыкой, которой живет возвышенное чувство. Это — душа поэта. Она возбуждает в нас духовную энергию, осуществляет душевный подъем, возвышение и очищение нравственного чувства. В радостях душевного подъема поэт видит спасение от раздвоенности и отчужденности, грозящих "социалистическому" человеку.

Д. Кугультинов бережно сохранил и обогатил национальную традицию моральной проповеди. Он сумел совместить общее с интересом отдельной личности, право на добровольность выбора соединить с непреложностью морального императива. Послушайте, например, стихотворение "Счастье и горе":

Когда как вестник торжества и
славы
Ко мне пришел бы старец
белоглавый,
Калмыцкой старой сказки чародей
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал
счастье.
Но если б он собрал в один комок

Все, что печально на земном
просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить
я мог --
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег
догла,
Чтоб сделалась вселенная светла.

(Перевод С. Липкина)

Лирический пафос стихотворения помогает нам переступить границы эгоизма личных чувств и обрести свое "я" во всеобщности великого всеохватывающего чувства доброты. Все мелкие чувства исчезают на миг под могуществом сердечного порыва, излучаемого от слов-поступков лирического героя, и начинаешь вновь осознавать свою неразрывную связь с народом, со всем человечеством. Поэт искусно создает поле духовного напряжения, в котором наша душа как бы очищается от бесконечных будничных забот и впечатлений, увлеченная страстным нравственно-эстетическим пафосом произведения. Здесь само переживание ситуации как бы перерастает в мысленно воображаемый поступок.

В нравственно-философской лирике Д. Кугультинова обычно мысль не равна факту. Она только отталкивается от факта и, устремленная вдаль, оказывается незаметно для нас вдруг поднятой до подлинных высот нравственных и философских понятий и обобщений.

Лирика Д. Кугультинова освещает жизнь через жизненные ситуации конкретно, богато, многосторонне. Вот, к примеру, стихотворение "Я помню прошлое...":

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засемила,
Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: "Бабушка родная!"
Хотелось леть, кричать "ура!",

Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

(Перевод И. Машиневой)

Простой человеческий поступок русской старушки — проявление милосердия — вызывает в сердце героя живое чувство ответной благодарности. Стихотворение пробуждает в нас, читателях, истинно человеческие чувства. Таков главный результат нашего общения с поэзией Д. Кугультинова. И трудно переоценить вклад поэта в дело нравственного возвышения общества.

Счастье жить в полной согласии со своими убеждениями, с собственной совестью, в гармоническом соответствии слова и поступка отводилось Д. Кугультиновым в трудной борьбе с тоталитаризмом, т. е. контролем со стороны органов государственной власти над всеми сферами общества. "Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно", — писал поэт И. Бродский, сам испытавший тяжкие лишения, незранный, поруганный и высланный со своей родины. Тоталитарное общество плодило массы завистливых людей, порождало многообразные формы антиобщественной бессердечности, вспяки вражды и слепой зависти к выдающимся личностям. Долгое время общественным сознанием манипулировали люди, чьи способности, были невелики.

Сегодня кое-кто намеренно, а кто-то по недомыслию пытаются представить творческий путь Д. Кугультинова усталым сплошным розгами без шипов, которые своевольному поэту щедро и расчетливо даровали власть придерживающие. Они пытаются внушить, что путь ли не каждое произведение поэта и каждая его круглая дата удостаивались высшей награды. Кошунцевская ирония!

Уровень таланта может быть разный: один можно не заметить, другой — не простят никогда. Поэтически талант Д. Кугультинова приносит ему успех все более громкий, продолжительный, привлекательный настороженное внимание завистливых натур, для которых поэт был недосягаемо высок, а рядом подрастали и те, кто, скромно пописывая, впоследствии выступили самыми отвратительными врагами — одни сознательно, другие бессознательно. Они постоянно наносили Д. Кугультинову раны отравленным оружием тоталитарного общества: то и дело находились охотники копаться в его частной жизни, писали анонимные доносы, распространяли гнусную клевету, искали предлоги и возможности запугать, заставить его страдать. Народ, почитающий Д. Кугультинова, выдвигал его на правительственные награды одного уровня, а следом летели анонимные письма в ЦК КПСС и другие инстанции и, в конце концов, награда присуждалась, но уровнем ниже. К естественным врагам — литераторам примыкали и более опасные в то время противники: партократы и пенцы партократии, среди которых находились бессовестные полуграмотные люди, которые или боялись за свое прошлое, или пытали преступные надежды на будущее. У них этот безупречный духоборец вызывал ненависть. Они требовали подчинения, и вначале были притворно-мягки, обходительны и почтенно-солидны. Они мягко стелили, но твердо было спать на том ложе. Погрязшие в болоте тоталитарного мышления, они так и не поняли и уже никогда не поймут, какого человека они старались приручить.

По не таков был его характер, чтобы унизиться до подчинения. Против авторитарно-бюрократического сознания он выставил здравый смысл и свое имя. Сила власти местных партийных функционеров порождала самонадеянность, но имя Д. Кугультинова напоминало им об их ограниченности.

Его всеобщая слава сама по себе лишила покоя черные души. Если авторитарно-бюрократическое мышление работало в режиме "двойной морали", в основе которой были презрение к личности и ненависть к выдающимся талантам, то поэзия Д. Кугультинова противостояла ему, очистила сознание современников от идеологических стереотипов, устанавливала основы человеческой правды, которая становилась критерием оценки многих явлений, событий и фактов. Но на местах жестоких поединков победа не давалась сразу. Злопыхатели задиристы, козлотракавали, наносили недостойными приемами душевные травмы. Они были могущественны. Апофеозом коллективной травмы поэта стало одно из заседаний секретариата обкома партии, где блюстители идеологической непорочности дали полный и развернутый диагноз пороков Д. Кугультинова, установленный столь высокими "знаками" поэзии.

Партократы уже имели перед собой примеры того, как подвергать политическому ostracismu свободолюбивых писателей: А. Солженицына, Гинзбурга, А. Кузнецова, И. Бродского. Кто-то оказывался за тюремной решеткой, а иные за "бутом". Партийные функционеры намекали на то, что неизвестно, чем все это может кончиться для Д. Кугультинова лично, если он не покорится воле партии и не даст безусловных гарантий дальнейшего партийно-бюрократического поведения. Сам собой напрашивается вопрос: если уже и Д. Кугультинова подвергли партийной проработке, то кто же в таком случае пользуется в Калмыкии свободой?.. Но горды и своенравны! Поэт не принял их партийной заботы и предписаний. Неся в душе непреходящую обиду, он вместе с тем сознательно не усмирил свой высокогражданский дух протеста. Д. Кугультинов пошел в наступление на прекрасно защищенные привилегии. Он выкорчевывал то, что главенствовало, наводил страх, что немалым было, казалось, даже обсуждать или ставить под сомнение. Принципиальное различие между Д. Кугультиновым и его противниками в том же, в чем оно всегда между людьми, щедро одаренными природой, и серой посредственностью: умные нападают на сами принципы, заурядные — на личности. Д. Кугультинов не жадал свободы от властей. Суверенитет личности он понимал как свободу построения своего личного поведения, как реализованность взятой на себя ответственности — путь, на котором он одерживал победы, удивляя своих современников. Человек безупречной нравственности, он при всех перипетиях говорил только правду о том, что изначально шло по неправильному пути, что абсурдно, что нарушает гармонию мира, и говорил громко. Он весь жизнь был свободен. Подобно своему любимому поэту А. С. Пушкину, он был всегда на высоте и сегодня делает то, что считает необходимым. Его постигло бескрайнее гений. Д. Кугультинов выстоял на своей Голгофе под напором темных и злых сил тоталитарного общества. Его обаяние и воздействие на умы даже паразитных функционеров было заметным, хотя все они делились на тех, кто это тайно обожал, и на тех, кто яростно преследовал и петушился. Сегодня известность многих партийных функционеров качала в легу, а поэзия Д. Кугультинова по-прежнему доставляет людям радость познания и эстетическое наслаждение. И, видимо, так уж устроено Творцом, что самые черные злодеяния, вопреки своей цели, служат добру.

Многих людей мы искренне уважаем, другие вызывают чувство восхищения, но Д. Кугультинов в нашем сознании остается первым среди лучших, потому что он возвращал нам чувство гордости за свой духовный мир. Он ободрял нас своей уверенностью в том, что жизнь и пады человеческого разума и духа являются самыми драгоценными национальными ценностями. Богатства нашей Калмыкии многое значат, но дух, который прос-

всцает и управляет нашей мощью, означает не меньше. Обладая от природы безошибочным инстинктом реальности, поэт видит будущее, которое не будет чуждаться Истины, Добра и Красоты.

Д. Кугультинова любят и почитают большие художники и критики в нашей стране и за рубежом, на него ссылаются, у него предлагают учиться открывать в самых обыкновенных, будничных явлениях человеческой жизни и природы вечные истины.

В С. Маршаке, Я. Смелякове, М. Светлове, А. Кулешове, М. Дудине, К. Кулиеве, Р. Гамзатове, М. Кариме он нашёл тех страстных, но вместе с тем требовательных поклонников своего таланта, в которых так нуждается истинный поэт; они со знанием дела оценили его дар художественного самовыражения и восхищались им.

Лирика Д. Кугультинова содержит извечные человеческие проблемы, среди которых важное место занимает вечно живая тема, бередящая сердца всех людей планеты жгучей болью. Это тема природы, взаимоотношений человека с ней, которая для поэта стала важнейшим предметом художественного исследования. По современному веско звучит слово поэта, когда он в своей любви к родной степи находит источник радости, восхищения и вдохновения, когда стихи о природе перенегаются со стихами о судьбах и путях человеческих. Об этом стихи, вошедшие в сборник "Зов апреля": "Земля еще не колосится...", "Весна, мне кажется порой...", "Как песни лимбы — трепетной свирели...", "Когда я вижу, как цветок в апреле...", "Ой, весна!.. не балуй, гляди!..", "Трепеща, купаюсь в тепле" и многие другие.

Восприятие человека в вечном движении материи, в единстве мгновения и вечности, в полном слиянии с Природой составляет содержание стихотворения "Степные мелодии". Здесь есть и меткость наблюдений, и самоанализ ощущений, и размышления над непостижимыми загадками бытия, и пантеистическое желание слиться с Природой.

Могу ль усомниться, однажды
изведав,
В том чувстве, что с вечностью я
— неделим?
Быть может оно — от степных
моих дедов?
А может, испытано мною одним?..

Не знаю... Но стоит мне выйти в
просторы,
Увидеть, как падают звезды в
траву,—

С сознания точно спадают
затворы,—
И ясно мне: здесь я вечно живу.

Меж миром и мною исчезли
границы.

Я — воздух. Я — ветер.
Я с даяния слит.

И кто различит — это мысль
или птица
Над вольно шуршащим покоем
парит.

Стихотворение "Степные мелодии" поражает нас тонкостью и точностью в передаче мгновенных ощущений и глубинных душевных волнений. Поэт пробуждает в нас то, что можно было бы назвать чувством вечности, которое подсознательно живет в каждом из нас и связано с эстетическими переживаниями. В этом стихотворении Природа не существует где-то в стороне. Она существует и как реальная действительность, и как отражение ее в чувствах и мыслях поэта. Вот почему догадка, мгновенно озарившая поэта, зазвучала не ложной идеей, а постижением мирового закона — постижением Вечности.

Вообще верность наблюдений и самоанализ ощущений, характерные для лирического сборника "Зов апреля", способствовали открытию природы как процесса психического состояния человека. Природа как состояние души — такой взгляд характерен и для многих других стихотворений этого сбор-

ника. Читаешь, например, стихотворение "Затрепетали лепестки тюльпана" и видишь, как Природа одушевляется, обретает черты человеческой жизни, человеческого характера.

Затрепетали лепестки тюльпана
И развернулся медленно бутон.
Как будто вскрылась розовая рана.
Мне кажется, я даже слышал стон.

Это не зеркально-мертвое описание природы, а мысль о Природе, выражение сложных переживаний момента рождения всего живого через боль, через страдание. Поэтическое утверждение гармонии человека и природы, мотивы преодоления смерти, торжества весны и безграничной жизни получают в лирике Д. Кугультинова философское решение. В его стихи вошла весна, хмелем бродят разбуженные силы и "взмыл до неба свет любви высокий". Зов апреля — это голос любви, зов жизни, зов природы, а лирика Д. Кугультинова стала великолепной поэтической формой его самовыражения. Здесь познание лирическим героем высших универсальных сущностей бытия и языческая радость воскресения:

Отлично жить, людей любя!
Ты дышишь легче и свободней.
И веришь: может, и тебя
Все любят... Ну хотя б сегодня!..

Мотивы исцеления человека природой повторяются в сборнике "Зов апреля" многократно. Вообще во всей лирике Д. Кугультинова степь, цветы, люди, вся природа включены в круг ценностей интеллектуального мира и все органически вписываются в его поэтическую систему, утверждая гармонию человека и мира. Ищущая мысль поэта побуждает видеть в картинах родной природы воплощение Абсолюта — духовного первоначала всего сущего.

Лирика Д. Кугультинова по своему содержанию, характеру и общей направленности мысли была подготовкой к лирическому эпосу, к жанровой форме поэмы.

Основная цель поэзии, исследуя отдельного человека, создавать образ человека, ибо истинный поэт смотрит на свою жизнь, как на средство познания не только себя, но и познания судьбы народа, нации, человечества. Образ человека, преданного идеям гуманизма, истины, несмотря на опустившийся на него топор репрессий, создан в поэме Д. Кугультинова "От правды я не отрекался". Стремясь к наибольшей объективности и убедительности повествования, он создал поэму-исповедь. Повествование о насильственной депортации калмыцкого народа, насыщенное страшным негодованием, отличается большой эмоциональностью. Драматическое движение мысли, ее накал создают образ растущего отчаяния народа:

В те злые годы ледящей стужи
Что небывало!..
Страхом сражена,
Иная — даже верная — жена
Писала отречение от мужа.

Здесь все пережитое самим поэтом и его народом открывается во всей сложности и трагичности обстоятельств, как общая судьба. Лирический герой выступает не хладнокровным наблюдателем, а гневным и потрясенным до глубины души защитником людей, внушая им надежду на обретение свободы и справедливости.

Тема беззаветной сыновней любви к своему народу в часы страшных испытаний, нависших над ним, приглушая трагизм обстоятельств, придает стихам оптимистическое звучание.

Поиск нравственной истины сопряжен с утверждением главных ценностных категорий — человеческого достоинства и правды. Исповедь лирического героя, обнажая правду своей души, придала изображаемому событиям и переживаниям силу документального свидетельства. Здесь всё в напряжении мыслей и чувств, которое не оставляет места для спокойной описательности, поэтических орнаментов, многословной риторики. Мотивы самоанализа и подведения итогов усиливают нравственно-философское звучание поэмы.

Д. Кугультинов выработал в калмыцкой поэзии типы сознательного рефлексивного отношения к миру. Рефлексия — это способность человека постигать, анализировать свое собственное мышление. Лирическая рефлексия — форма лирического размышления — становится в творчестве Д. Кугультинова преобладающим средством выражения авторского сознания. Лирическая рефлексия, причастная к "механизму" формирования мыслительных процессов, являясь инструментом метафорического мышления. В рефлексивном метафорическом мышлении обычный факт возрастает в своем значении, обогащается смысловым и эмоциональным напряжением. Отражая индивидуально-авторское видение мира, лирическая рефлексия самой своей структурой соединяет распадающиеся знания: факты и явления, предметы и мысленные их образы, сиюминутные впечатления и воспоминания. Метафора же, отличаясь особой экспрессивностью, служит средством эмоционального воздействия образа и мысли. Даже аргументическое описание материально-вещественного мира не может обнажить всю полноту духовной жизни человека, пока нет лирической рефлексии, т. е. обоснования с помощью постулатов разума и интеллекта.

Поэма "От правды я не отрекался..." предвосхитила интерес Д. Кугультинова к крупному плану изображения жизни. Одна за одной выходят из-под пера поэта поэмы "Любовь и война", "Поэма о танце Ситары Дэви", "Моабитский узник", "Живая вода". Поэт с большой свободой и смелостью соединяет в структуре жанра поэмы личное с общим, лирическое и героическое, традиционно народное с современным.

Смелой из притягательных жанровых конструкций стала жанровая форма поэмы-сказки. Появляются поэмы "Песнь чудесной птицы", "Золотое сердце", "Равные солнцу", "Сар-Герел", "Повелитель Время", "Цветок, одолевший бурю" и многие другие.

Условная сказочная форма — сказка, притча, легенда, — введенная в литературно-поэтическое сознание, позволяет ярче выразить новые мысли, чувства, идеи, способствует созданию нового ракурса во взгляде на жизнь. Поэтика жанра подсказывала читающему смысл названий многих поэм и тот гуманистический нравственный и философский подтекст, который составлял главное в авторском замысле. В поэмах-сказках всегда идет речь о ценностях подлинных и мнимых. Главный нравственно-философский смысл поэмы "Сар-Герел" — это ответственность не только человека за судьбу народа, но и народа за судьбу отдельной личности. Об этом размышляет в поэме-сказке мудрец Цеден:

...Если б дали мы Герел наказ,
Мол, собой пожертвуй ради нас,
Ты, Герел, одна за всех в ответе!
Так народ, не поступает, дети!

Свойственно народу чувство чести...
Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь, и правду защитить.

В поэме "Сар-Герел" человеческий поступок осознается как фактор, определяющий духовное состояние человека и общества, в котором он живет. Здесь внешний конфликт — драматическое столкновение человека с Солнцем — осложнен внутренним этическим конфликтом, т. е. в сказочную

атмосферу поэмы вторгаются вечно живые чувства и мысли людей, тревожащие и современного человека.

В поэме-сказке "Поселитель Время" интеллектуальная и эмоциональная напряженность повествования связана с постановкой вопроса: что является главным критерием оценки всех человеческих дел и помыслов? Мысль о том, что силе Власти не подвластно высшее проявление человеческого духа,—главная в поэме. Истинное прозрение приходит к людям, когда само время вершит справедливый суд над временным величием жестокой власти хана Хамбала и его окружения. Истинный властелин вселенной, по мысли Д. Кугультинова, есть Время, способное отделить Добро от Зла.

В поэмах-сказках Д. Кугультинова сказочность—это метафора современной жизни, позволяющая увидеть ее под новым, необычным углом зрения. Здесь личность повествователя является организующим началом в построении жанровой формы; и изображаемые события, и читательское общение через повествование-размышление с автором составляют сущность литературной сказки, а сказочность окрашивает сферу реализации основного этического конфликта. Основная сказочная форма творчески используется Д. Кугультиновым для того, чтобы пробиться сквозь стереотипы авторитарного мышления к живым нравственным, эстетическим основам народного сознания и духа. Жанр поэмы-сказки являлся способной реакцией на господствующий в обществе дух тоталитаризма. Поэтическое зеркало сказки как бы отражает этические проблемы современной действительности, помогая восхождению мысли на более высокий уровень обобщения.

Широкую известность поэзии Д. Кугультинова обусловил главным образом новые горизонты и глубины познания человеческого духа и мира, стремление художественно выразить такое миропонимание, которое соответствует современному духовному опыту народа, нации, человечества. В поэтических размышлениях-медитациях о человеке, о духовных и нравственных ценностях народа, о путях обновления жизни, о будущем цивилизации запечатлена всеобщая связь между сознанием поэта и его эпохой, прошлым и будущим человечества, землей и вселенной. Особенности жанрового содержания поэм на современную тематику обусловлены требованиями времени, жизненным и художественным опытом поэта, его идейно-философскими позициями.

С появлением поэмы Д. Кугультинова "Бунт разума" не только в камыщской, но и в мировой поэзии возникла широкая панорама современного мира, охватывающая всю планету; ассоциативные образы (предметно-смысловые, культурно-символические, эмоционально-психологические) легко совершают скачки от Америки до Калмыкии, от Японии до Вьетнама. Художественное осмысление современности в ее пространственно-временном континууме потребовало разнообразных форм лирического и эпического мышления и соответственно новых стилевых приемов, могущих широко и глубоко раскрыть природу нависшей над человечеством трагедии ядерной войны.

Поэма Д. Кугультинова "Бунт разума" в страстной эмоциональной форме воссоздает мысли, чувства, драматические переживания героев—Адама Крейзи, его жены Катрин, потерявших в войне по Вьетнаме единственного сына Томаса. Трагически складывается жизнь главного героя Адама Крейзи—косвенного участника преступления против человечности. Его совесть вершит над его же разумом суд, и разум не выдерживает испытания, и Адам Крейзи, взяв на себя вину всего человечества, кончает жизнь самоубийством.

В камыщской поэзии никогда ранее не было столь глубоко мыслящих героев, в сознании которых сходились бы основные проблемы эпохи, и никогда не было такого изображения мира, в котором уместались бы последовательно-хронологическое жизнеописание героев и свободные лирико-

публицистические выходы за пределы собственно-повествовательных рубежей, ход истории, время и вечность. Осмысливая ответственность человека за свои деяния (вопрос о вине), Д. Кугультинов формирует цельную, всеобъемлющую, биокосмическую художественную концепцию человека, которая позволяет ощутить, как преломляется связь времен в судьбе героя поэмы Адама Крейзи: в его поведении, осознании мира, в его психологии, памяти, предвещании, в моментах включения времени вечности, т. е. в том идеальном мире, где сопрягаются все его измерения. Здесь рассматривается не только личность во времени, которое влияет на личность и ломает судьбу героя, но и время в личности через многообразные формы выражения времени, в различных его измерениях: психологическом, социально-историческом, мифологическом, вечном, чтобы найти нравственные, философские и исторические оправдания своим поступкам. История трагической судьбы Адама Крейзи, изображенная в поэме Д. Кугультинова "Бунт разума", отражает мироощущение человека XX века.

Кугультиновская концепция времени и пространства, человека и общества, позволяющая резко индивидуально увидеть истинный облик времени, соединить мелькающие будни с трудно обозримыми тысячелетиями прошлого и предвосхищениями будущего, создала тот изумительный феномен поэтического творчества, которым восхищались и Ч. Лйтматов, и Кайсын Кулиев, и М. Дудин, и Р. Гамазтов, и А. Вознесенский, и Ал. Михайлов и многие другие поэты, писатели, ученые, критики. В творчестве Д. Кугультинова мощно развиваются те плодотворные традиции мировой поэзии, в которых духовный процесс оказывается объектом внимательного исследования и художественного постижения. Его поэтическая мысль дерзко прорывается в сферу непознанного, до конца не осмысленного человеком, и такая смелость дарит воображение, будит тревожную мысль. Произведениям Д. Кугультинова присуща та же интенсивность мысли и чувства, которая характеризует самого поэта.

Великий русский драматург А. Н. Островский в "Застольном слове" о Пушкине произнес прекрасные слова о значении для общества поэта и поэзии: "Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть... Богатые результаты совершеннейшие умственной лаборатории делаются общим достоянием... Вот отчего любовь и поклонения великим поэтам".

Камайки разных возрастов, задохнувшиеся в спертом воздухе 13-летней ссылки, потянулись на снежий воздух морально здоровой поэзии Д. Кугультинова, проявляя к личности и творчеству поэта заслуженное уважение и признательность.

Его любят художники, фотокорреспонденты, режиссеры телевидения, потому что он живописен: красиво выделенная голова полна величия и мудрости, пластика Сократа бросается в глаза: его возвышенный взор устремлен или в себя или в бесконечность; сильные страсти и чувства выражаются на таком прекрасном облике, когда он начинает речь; на лице видны признаки жизни, проведенной в постоянных занятиях и трудах.

Его любят артисты кино, театра, танцевального искусства, потому что творческий поиск, мастерство в любой области восхищает его; он — лучший зритель и обладает той особой грацией ума, которую мы зовем вкусом, т. е. речь идет о его способностях критического суждения, проникнутого такой же искренностью и пониманием, с каким знатоки воспринимает музыку Моцарта.

Его любят и ищут встречи с ним работники библиотек, учителя, студенты, школьники, молодежь, потому что он обладает уникальной способностью доступно и просто показывать, как можно и нужно мыслить. Его выступления никогда не были изложением, а всегда размышлениями, в которых ощущалась звучащая и говорящая плоть его мысли, слушатели

лицезрели процесс его мышления, т. е. моменты возникновения и движения самой мысли.

Его любят поэты, потому что даже поэзию он украшает собой: он умеет возвращать поэтической мысли ее собственный смысл и форму, он может, потому что он поэт-философ по складу личности, потому что поэтическая мысль была для него личным опытом, опытом самой личности, судьбой; при этом он занимался философией, как занимались ею русские классики. Хороших поэтов много, но поэтов-философов же, т. е. тех, кем держится сама поэтическая мысль,—единицы. Д. Кугультинов—один из них.

Его любят друзья, потому что он создан для дружбы; они знают, что он добрый человек с твердым характером, сражающийся с пороками авторитарно-бюрократического общества, ненавидит пошлость и хамство. Они знают, что он человек с сильной волей, что его ощущение человеческой трагедии не позволяет ему прибегать к самообману и дешевым утешениям. Друзья понимают, что, оставаясь со своими проблемами один на один, он должен постоянно повсеместно их решать, а это требует немалого мужества. Сила его характера—в ежечасном сопротивлении душевному отчаянию и мраку, в необходимости совершать привычные действия каждодневной жизни тогда, когда сама жизнь теряла смысл и цель.

С именем Давида Кугультинова для каждого калмыка связано многое: его поэтические сборники любят перечитывать все. Его уважают не только в Калмыкии: литературные вечера Д. Кугультинова, будь то в Элисте, Москве, Ленинграде или в дальнем городе, у нас в стране или за рубежом, неизменно собирают заинтересованную и влюбленную в его поэзию аудиторию. Сам поэт в обращении с людьми прост и отзывчив. Он обладает удивительной способностью приподнимать человека над обыденным и в этом смысле он—сильная личность. Он любит людей и люди любят его за уроки мысли, свободной от догм, за уроки человеческого мужества, гражданской цельности. Это их любовь помогла противостоять власти нарцократии, работающей в режиме "двойной" морали. Его критические выступления находили понимание людей. Его отзывчивость характерна не только для частной жизни, но и на том высоком положении, которое он занимает. Д. Кугультинов верит в творческие возможности свободного человека. В его чувствах, обращенных к людям, живет модель нового мироощущения, которое характерно для современного человека.

В сутолоке будничной жизни, в вихре ежедневных конфликтов и кризисов, драматических стечений обстоятельств, политической борьбы поэт продолжает незаметный труд столетий, создавая мосты общих переживаний между народами, напоминая людям об универсальном характере их чувств, желаний и горестей, напоминая им о том, что силы взаимопонимания определяют уровень цивилизации.

Сегодня, благодаря демократическим процессам, происходящим в нашей стране, понятие "Личность" пишется с большой буквы наравне с такими понятиями, как "Свобода", "Культура", "История", потому что "Личность" неоценима и сама она является инструментом интеллектуальной и нравственной ориентации общества. Поэтому человек, ставший "Личностью",—это самая высшая ценность на Земле. И эта ценность не знает ни географических, ни политических и никаких других границ. Именно "Личность" является предпосылкой и гарантией нравственного здоровья общества. Сегодня весь мир знает Д. Кугультинова и как знаменитого поэта, и как выдающегося общественного и политического деятеля. В личности поэта есть то, к чему надо стремиться, есть ум, который необходимо уважать и ценить. Он заслужил право быть в ряду тех, чье поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству. И пока сияют такие одинокие звезды, еще кое-что видно на путях эволюции человеческой цивилизации.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Для людей планеты с древних лет
Смысл один имеет белый цвет.
Красоте единый смысл не дан—
Разная она у разных стран,
Разная у наций и племен
Цветом кожи, звучностью имен,
Разная она для всех людей,
Но никто—ни гений, ни злодей
Не могли не создавать мечтой
То, что им казалось красотой.
Разнолика внешне красота,
Разноцветны в мире рас цвета.
Красота, доступная для глаз,
Как витрина—только напоказ!
Красота души с древнейших лет,
Суть ее с начала мироздания—
Белый цвет любви и сострадания!

Таинственен, лишенный суеты
Огромный мир перед рассветной
ранью,
Дремотно звезды смотрят с высоты,
Сон и покой дарован мирозданию.

Блаженствует природа в тишине,
И я стараюсь приглушить дыханье,
Чтоб не исчезло вдруг очарованье
Поры волшебной по моей вине.

Что гению начертано судьбой,
Свершит он в срок, определенный ею.
Он воплотит судьбы своей идею,
Хотя б решил покончить сам с собой.
Лишь все свершив, закончит Гений
путь,
Но раньше не закончится дорога,
Хотя порой и скажет кто-нибудь:
"Ах, рано умер! Сделать мог он
много!
Ах, если б ждал, что было б им дано!"

"Ах, если бы!" Но это только
призрак,
Поверьте мне—им все совершенно,
Все, для чего он был на землю
призван.
И Гения оставившего след
В умах, в сердцах грядущих
поколений,
Что не успел доделать что-то—нет.
Он сделал все, на что способен
Гений.

* * *

В голосованьи равнозначна роль
Того, кто единица и кто ноль.
И потому, когда идет подсчет,
Не ум, а руки принимают в счет.
Чьих больше рук—хозяева они,
Но избранный, ты трезво оцени,
Презрев тщеславья мудро
торжество,

Кем избран ты? Чье это
большинство?
А если против будет больше рук—
Себя позорче огляди вокруг,
Обдумай все поступки и дела
И, не найдя причины, что дала
Принять вердикт такой неправоты,
Задумайся: "А кем не избран ты?"

* * *

Тело и разум являются разом,
Но развиваются разное по фазам:
Тело ослабленным старость

встречает,
Разум, напротив, безмерно
крепчает.

* * *

Если имя свое замараешь
в житейском пути,
То его не отмоешь ничем, доживя
до предела.

Так и будешь всю жизнь,
проклятая и каюсь, нести
Груз, который не сбросишь—
позором клейменное тело.

ЗОЛОТО МАТЕРИ

Взывали люди к небесам,
Моля о мире и о хлебе,
Но Бог молчал в высоком небе,
Не веря в то, что создал сам
И эту жизнь, и эту твердь
И приучна к косе и плугу
Людей, которые друг другу
Несли сегодня боль и смерть.

* * *

Был лютый голод. Шла война,
Разор и гибель щедро сея.
А в городке у Енисея
На рынок скудный шла она,
Калмычка ссыльная, старушка
Из дальних прикаспийских мест.
"За что ей выпал тяжкий крест

Скитаться, будто побирушка?
За что ей мстят? За чью вину?
Неужто в том она повинна,
Что три ее кровинки-сына
Ломают третий год войну?!"
Не первый день, не первый год
Ее терзает эта рана.
Вся жизнь ее лишь в том, что
ждет

Манджи, Басанга и Сарана.
Дожить бы только, чтоб сыны
Вернулись дельцами с войны.
Базар. Людской нервной гуд
В сплошном махорочном тумане.
Но что купить ей можно тут
С ее десяткою в кармане,
Когда и сотни не в чести.
Торговли нет, есть только мены.
Что для обмена ей нести?

Своей слепой каморки стены,
В которой даже нет окна,
Где лишь топчан, точнее—нары?

В раздумье тягостном она
Идет по улице с базара.

И вдруг в пыли, у самых ног,
Средь грязных выбоин и кочек,
Она увидела платочек,
Что был завязан в узелок.

С трудом нагнувшись, узелок
Она взяла и развязала,
Увидев, что таил платок,
Она взволнованно сказала:
"О, маани! Даже вдалеке
Я для бурханов не чужая!"—
Лежал, искрясь, в ее руке,
Лучи светила отражая,
Солнцеподобный, золотой,
С чеканным ликом Николая,
Огнем нежгущимся пылая,
Червонец!
Спрятав дар святой,
Старуха к дому спешила,
И даже голод вмиг исчез.
"Я перебежусь!—она решила,—
Но этот щедрый дар небес
Не трону ни за что на свете,
Хоть ныне нет ему цены!—
Пока не возвратятся дети,
Мои любимые сыны!
Тогда продам, и всем хотонном
Устроим пиршество в их честь..."

А в это время почтальоном
Принесена старушке весть
О том, что больше нет Сарана,
Что он геройски пал в бою,
Не посрамив страну свою.
Заныло сердце, будто рана,
Но боль утишила она—
К беде привыкшая калмычка...
"Я нынче плачу не одна,
Сегодня плачет полстраны
По сыновьям, мужьям и братьям,
Невозвратившимся с войны,
Нет меры горю и проклятьям".

* * *

Забвенья нет такой беде!
Лекарства нет от этой боли!
Она искала их в труде:
Набив кровавые мозоли,
Копала с зорьки дотемна
В совхозе с бабами картошку.

И отходила понемножку,
Лишь гуще стала седина.
Недолгим оказался срок
Душевной этой передышки.
Опять к ней в дом явился Рок,
На этот раз в лице мальчишки,
Который ей письмо принес,
Листок стандартный был
в конверте.

Гласил он о геройской смерти:
Погиб Басанг, погиб...

Без слез
Мать заметалась над бумагой—
Глаза на миг затмила тьма,
Не оросив священной влагой
Листок казенного письма.
Судьба дала здоровья впрок,
Росла она в степи недаром!
Но все же сумел проклятым Рок
Свалить ее вторым ударом.

"Всю жизнь растила я сынов—
Двоих не стало в две недели!
И вот сама лежу в постели
Средь горькой яви, страшных снов.
А где-то мой сынок Манджи...
О, небо! В чем я виновата?
О, Справедливый! Подскажи,
За что жестокая расплата
Со мной?

За что? Напомни мне
Мои грехи в большом и малом!.."

На шатком лежа топчане,
Под старым ветхим одеялом,
Старушка-мать шептала вслух,
Ища грехи, ища ответа.
И память подсказала вдруг:
"Монета! Грешная монета!
Чужой червонец золотой!

И ты была находке рада,
Решив, что это дар святой,
А это—чья-нибудь утрата,
Лишившая кого-то сна,
Лишив спасительного хлеба.
Да, велика моя вина,

Но сыновья при чем? О, небо!

Но нет, ответ не там ищущу.
Беда мне разум погасила
И я на небо клеветую:
За зло карает злая сила!
Скорее встань! Недуг отбрось,

Пока Манджи не сжит со света,
Покуда Зло не добралось
К нему,

проклятая монета
Должна исчезнуть навсегда,
Чтоб искушением не стала".

Не сразу и не без труда
Больная мать с постели встала
И, взяв закатный узелок,
Пошла, на посох опираясь,
Идти скорей, скорей стараясь,

Как будто ей намечен срок
Спасти единственного сына.
Срок роковой, отсрочки нет:
"За то, в чем только мать повинна,
Манджи покинет белый свет!"
Всей силой, верой, волей всею,
Чтоб сына не отдать врагу,
Она спешила к Енисею.
И вот она на берегу.
Развязан узелок.

И вот—
Червонец сгинул в бездне вод.

Перевод Виктора СТРЕЛКОВА

* * *

Лишь давнюю песню
Затянут среди тишины
Старухи—
Бездетные вдовы
Минувшей войны,
Лишь "двадцать второго июня..."
Затянут они,

Рассеются звуки—
Останутся слезы одни.
Затмят мирозданье.
Зажмурится небо в золе.
И эхо рыданья
Пойдет кочевать по земле.

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

* * *

Дружище, выслушай меня,
Поэта, жившего под стражею:
Живи, других не бременя,—
Не становись ни чьей поклажею.

Весь опыт жизни говорит:
Порой и вьючное животное

Поклажу сбросить норовит,
Цены движение вольготное.

В себе лишь силы находи!
Бог в помощь путнику усердному!
Надеясь на себя, иди
По времени немилосердному.

Перевод Инны ЛИСНЯНСКОЙ

ТИМУС

Когда я был нанвней, был моложе
И черпал опыт из хороших книг,
Был очарован я одной из них,
Она звалась—"Шагреновая кожа".
Что, вспомнили?.. Да, волею
Бальзака,
Обрывок кожи, скромный лоскуток
По первому намеку или знаку
Исполнить каждое желанье мог,

Но кожа всякий раз хотя б на малость
В размере уменьшалась,
чуть сжималась,
И кончилась... А с нею жизнь того,
Кого прельстило это волшебство.

Когда я был моложе, я беспечно
Не придавал значение чудесам.
Я говорил: добыюсь удачи сам,

Своею волей и трудом, конечно!
Сам, только САМ добьюсь своих
свершений,
Без выдумки красивой,
без "шагрени"!

Без "выдумки"?.. Но я,
не так давно,
Узнал и повторяю без опаски,
Что есть "рациональное зерно"
В красивой, будто выдуманной
сказке,—
Есть железа, вам скажет врач
любой,
Она зовется по латыни—"Тимус",
Она с микробами вступает в бой,
Едва придет к тому необходимость,
Но Тимус убывает каждый день—
Ни дать ни взять—Бальзакова
шагрень!

Внутри себя свой смертный
приговор,
Не ведая того, мы сами носим.

Иссякнет Тимус, и падает топор...
Ну, что ж, мы о пощаде
не попросим:
От мудрого слышал я старика,
Что участь долгожителя горька!

Чем будешь услаждаться на
земле,
Когда последний друг уйдет
далече?..
Представь себе: бредешь один
во мгле,
Вокруг тебя звучат чужие речи,
Жизнь непонятная шумит вокруг,
И некого спросить: "А поминшь,
друг?.."

Нет, не хочу!..
Пусть в мире много дел,—
Жить на земле нам не годится
вечно!
Природа, жизни положив предел,
Ей богу, поступила человечно!

Перевод Юлии НЕЙМАН

В ТЕНИ ДЕРЕВА БО

В Индии, где древо бо, как чудо,
На бхопальской расцвело земле,
Где впервые предавался Будда
Размышленьям о добре и зле,
О междоусобном их боренье,
Вековечным, как само творенье,

Стал я в тень—у полога густого,—
Где в ладонь казались толщиной
Листья дерева того святого,
Что взшло до неба надо мной,

И как будто уподобясь Будде,
Я решил тогда поразмышлять:
Что есть птица, одеянье, люди,
Что есть брат, любимая и мать?

Вдруг в душе возникло ощущение,
Будто древо бо, его листья—
Лишь двойник иного существа,
Молодого Будды воплощенье,

Вот я втянут в некое вращенье,
Вот я самому себе дивлюсь:
Я былнычком становлюсь!

И природы царь высокомерный,
Чудным дуновением влеком,
Вдруг освободился я от скверны,
В новой плоти я порвал со злом.

Так почувствовал я озаренье,—
Прежней тяжести телесной нет,
Словно духа вольного паренье
Даровал мне милосердный свет.

Жизнь мудрей, чем
самопогруженье,
И такую мощь в себе таю,
Что в своем загадочном движении
Все живое заново творит.

Перевод Семена ЛИПКИНА